

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 12

ДЕКАБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

В колхозах под Самаркандом.

Р. Акулышин.

С Ибрагимовым Юсуфом я познакомился случайно. Прославленный герой гражданской войны, награжденный вместе с тов. Фрунзе золотым оружием за взятие Бухары, теперь этот человек занят вопросами сельского хозяйства. Увлекаясь фордизмом, он мечтает в колхозах поднять производительность труда, которая в настоящей своей стадии не дает ему покоя.

Познакомившись в Самарканде, мы уговорились о том, что я приеду погостить в совхоз «Искандер», откуда рукой подать до колхозов опытно-показательного Паст-Даргомского района.

В один из солнечных сентябрьских дней я вышел из вагона на станции Джума. От нее до Искандера шесть верст. Меня ждала арба, на которой из совхоза по делам службы приезжал агроном.

Немного погодя после того, как мы тронулись в путь по пыльной дороге, я завел разговор о колхозном строительстве.

— Будущее за совхозами, а не за колхозами, — сказал агроном. — Я работал в колхозах три года. С какими данными вступает человек в колхоз? Что он имеет? Ничего абсолютно, кроме души. Он получает от правительства ссуду, которую должен употребить на организацию хозяйства. Но пустой желудок властно диктует свои требования, и средства (зачастую) тратятся не по назначению. Каждый колхоз может принести какую-нибудь пользу государству только после пяти лет своего существования. Никак не раньше.

Копыта лошади поднимали тучи беловатой лессовой пыли. Узкая площадка арбы подбрасывала нас сверху при переездах через канавы высоких арыков. Мы задевали головами за ветки акации и тутовых деревьев. Проезжая полями, мы видели быстро бегущих по жнивьям фазанов. Урюковые деревья в садах начинали окрашиваться в багрянец осени.

— Мрачно вы смотрите на колхозы, — сказал я агроному.

Его глаза и губы изобразили грустную улыбку.

— Откровенная точка зрения специалиста. Я не преувеличиваю. То ли вы еще увидите, если будете внимательным наблюдателем.

— Но, вероятно, есть и хорошие колхозы?

— Конечно, есть. Увидите всякие.

Мы подъезжали к совхозу «Искандер». За тутовой аллеей виднелись кусты виноградника.

— Давно вы здесь работаете?

— Первый месяц.

На широком дворе к нам подбежали желтые, пестрые и черные здоровенные собаки. Агроном, сказав им про меня: «Свой», подвел меня

к дверям квартиры Юсуфа Ибрагимова, который встретил меня, как давнишнего своего приятеля.

— Что хотите — есть или пить? А может быть то и другое вместе?

Не дожидаясь моего ответа, он разжег примус. Потом на столе очутились груши, яблоки, виноград, чурек, сливочное масло.

Мы просидели до полночи. Ибрагимов рассказывал о своем детстве и юношестве, о разных эпизодах гражданской войны, о поездке вместе с Фрунзе в Турцию и о том, как очутился в «Искандере» в качестве временного уполномоченного от Наркомзема. (Хорошо иметь дело с такими собеседниками, которые много рассказывают и не ждут твоих повествований.)

Мы решили со следующего дня начать объезд колхозов.

Перед сном я открыл окно. Показалось мне, что большая яркая звезда раскачивается, словно маятник, на тонком луче. На дворе пахло пылью. Возле колоды с кормом фыркали лошади. К окну подбежала пестрая собака и дружески завяляла хвостом. Керосиновая лампа отразилась в собачьих глазах двумя маленькими звездочками.

* * *

Утром мы прошли с Ибрагимовым по громадному фруктовому саду.

— До прошлого года «Искандер» был в ведении Хлопкома, который намеревался организовать здесь семенное хозяйство. Намерениям не суждено было осуществиться. Хлопком хозяйничал в «Искандере» несколько лет, ежегодно сводя баланс с дефицитом в пятнадцать-двадцать тысяч. В прошлом году дефицит достиг двадцати восьми тысяч, и это несмотря на то, что каждое фруктовое дерево ломилось от плодов.

— Значит, во всем виновата исключительно бесхозяйственность администраторов?

— Не исключительно, но в большой доле. Вот пример большого урона не по вине администрации семхоза: 160 десятин было засеяно люцерной. Водхоз не дал воды. Без полива все засохло. В этом году «Искандер» — в ведении Наркомзема.

— Есть перемены к лучшему?

— Да. Дефицита будет совсем мало: около шести тысяч. А если бы не лимитные цены на продукты сельского хозяйства, и совсем бы не было убытков.

Мы проходили мимо ворохов розмарина, бelfлера и золотого пармена. Дорогие фрукты были слегка прикрыты сеном. Пряный сладкий запах приятно кружил голову. В одном месте мы увидели упаковщицу. Она укладывала яблоки в ящики, перекладывая их тонкой стружкой. Желто-красная повязка девицы среди зелени была похожа на преждевременно упавший с дерева осенний лист.

В казармах на окраине сада я не увидел людей.

— Штат служащих совхоза небольшой: директор, два заместителя, бухгалтер, садовник, конюх и механик. В настоящее время кроме этого есть одиннадцать сезонников. В страдное время нанимаются поденщики. Тяглая сила совхоза: три трактора, тринадцать лошадей и семь волов. Земли — 340 десятин поливной и 1 700 богарной. С неделю тому назад организован богарный филиал совхоза в пять тысяч десятин. В этом году в филиале будет вспахано три с половиной тысячи.

Сообщение о богарном совхозе не очень меня обрадовало. Я всегда о богарных посевах думал, как об очень рискованном предприятии. Я знаю, что даже в Поволжье, где осадков во много раз больше, чем в Туркестане, посевы то-и-дело гибнут от засухи. А в Узбекистане важнейшей

задачей сельского хозяйства последних лет является вытеснение зерновых культур с поливных площадей. Идет жестокая война с рисом, с поливной пшеницей и ячменем. Рис (хотя он дает с десятины две тысячи рублей дохода) изгоняется, как поглотитель большого количества воды и распространитель малярии. (В рисовых районах от малярии вымирали целые кишлаки.)

Вместо зерновых культур на поливных участках — хлопок! Вот лозунг, который предлагается усвоить каждому администратору сельского хозяйства, каждому дехану.

Увлечение богарой особенно заметно в этом году. Я говорил с агрономами по этому поводу, и они не хотели рассеять моих сомнений о надежности богарных посевов. Вот что я слышал от исандеровского агронома:

— Если с десятины богары в филиале будет собрано двадцать пудов, то этим лишь оправдаются затраты на обработку земли. Прибыли двадцатипудовый урожай не даст ни копейки, но труд будет превращен в хлеб, до-зарезу нужный Туркестану. В благоприятные годы богара дает 45 и 50 пудов с десятины. Но это бывает не чаще одного раза в пять-шесть лет. Организуя богарные совхозы, Наркомзем готов к тому, что, может быть, три года подряд не придется собрать даже семян. От финансового краха в таких случаях может спасти комбинированное хозяйство. В филиале «Искандера» будет три с половиной тысячи каракульских овец и пять тысяч курдючных. Озцеводство даст совхозу около сорока тысяч рублей прибыли в год.

Мы прошли мимо громадных ометов люцерны. Посмотрели кирпичный завод. Ибрагимов долго стучал пальцами по кирпичам различных сортов.

— Чувствуете различие в музыкальных оттенках? Железняка звенит, как серебро, у белого — к звону металла присоединяется отголосок замирающего в горах эхо, красный издает звук, похожий на жалобные ноты в печной трубе во время осенней непогоды.

— Юсуф Иксанович, вам нужно быть дирижером шумового кирпичного оркестра. Вы — первый, понявший природу кирпичного звука.

— Музыкальные тоны сообщают бездушной глине огненные струи пылающего янтaka и трехдневное томление в громадной печи.

Возле кирпичного завода навалена сухая колючка — янтак. Это почти единственное растение средне-азиатских пустынь. На культурных почвах оно растет, как сорная трава. Янтак идет в пищу верблюдам и овцам, с янтaka во время его цветения пчелы собирают мед, янтак — прекрасное топливо безлесных местностей.

После завтрака нам подали двух лошадей. Юсуф Иксанович предложил мне своего «Колхозника» — единственного мерина, виденного мною в Средней Азии, где не принято кастрировать лошадей. «Колхознику» привезен из России и понимает русское «тпру».

— Вы, вероятно, не привычны к верховой езде? На «Колхознике» вам будет спокойнее. «Француз» — взбалмошный субъект и боится собак.

Мы захватили с собой две простыни, два полотенца, мыло, хлородонт и две щетки.

Наше путешествие заняло девять дней.

Вот мои впечатления.

* * *

Мы сидим на коврах, постланных на земляном полу сарая в коммуне имени Калинина — самом большом объединении Паст-Даргомского

района. Председатель коммуны (женатый на европейке), бывший секретарь Самаркандского окружного комитета партии, отдаёт распоряжение о том, чтобы для нас приготовили закуску. Через несколько минут на подносе подается с полсотни яиц (— От своих кур, — вставляет председатель), приносится большая пиала с молоком, чайник, маленькие пиалы, арбуз, дыня и помидоры. Кругом усаживаются руководители коммуны — бородатые узбеки в чалмах. Ибрагимов говорит им, что я — из Москвы и желаю знать о всех достижениях и недостатках артели. Сначала хозяева сосредоточенно молчат, как будто соображая, чего в коммуне больше: достижений или упущений. Потом председатель начинает говорить:

— Недостатков много. Недостатки не по нашей вине. Коммуна организовалась в марте месяце. Тогда же мы начали просить об отпуске кредитов на жилищное строительство. Но Сельхозбанк почему-то оттягивал отпуск средств. Летом можно жить под открытым небом. Теперь ночи холодные, а мы только приступаем к постройке квартир, потому что лишь несколько дней назад получили часть кредитов. На сорок семей нам нужно тридцать тысяч, а отпущено только восемь.

— Сначала нам говорили: «Мы построим для вас дворцы». Теперь нам предлагают: «Стройте жилище, как знаете, только по возможности европейского типа и поскорее». На-днях мы приступаем к постройке двух корпусов по десяти квартир в каждом.

— Поселились мы на заброшенной земле, которая не обрабатывалась пятнадцать лет. Оросительная система была разрушена. Восстановление арыков заняло много времени. Из-за этого мы посеяли разных культур не столько, сколько хотели.

— Большой урон мы потерпели из-за ошибки специалистов агроцентра. Для богары они прислали нам поливную пшеницу. Наши члены артели говорили: «Не надо нам таких семян, они не взойдут, земля пропадет, труд пропадет, средства пропадут». Специалисты спрашивали: «Кто больше знает — вы или мы?» Пришлось сеять. Конечно, из этого ничего не получилось: ни одно зерно не проросло.

Я не замечаю, как мой седобородый сосед подкладывает мне полдюжину очищенных от скорлупки яиц.

— Рахмат (спасибо), — говорю я, прикладывая правую руку к сердцу.

— Мархамат клиньк (кушайте пожалуйста), — просит он, а сам все чистит и чистит яйца и разбрасывает их, как резиновые мячики, всем участникам трапезы.

— Правление распределяет членов артели на работы, — продолжает председатель. — Каждый делает то, что умеет. Иногда отдельные лица скандалят, не хотят подчиняться постановлению правления. В таких случаях приходится убеждать, а если убеждение не помогает, грозить исключением. Исключения все боятся, как огня, потому что убедились в пользе артельного хозяйства. До объединения каждый страдал от недостатка воды. Одиночка не получал кредитов. Про узбека была поговорка: «Узбек ничего не знает, только работать знает. Девять месяцев работает, три месяца ест». Узбек дехкан всегда живет впроголодь: лепешка и кок-чай — все его питание. Объединившись в артель, мы стали получать воду, кредиты, мы имеем возможность хорошо питаться. В здешнем районе дехкане никогда не сеяли картофеля. В коммуне мы решили посеять на пробу один танап (четверть десятины). Урожай получился прекрасный. Теперь все поняли, что картофель — выгодная культура. На будущий год сделаем опыт посадки по американскому способу.

Я выпил уже не одну пиалу чаю, съел несколько яиц. Передо мною положили разрезанную дыню. (Ибрагимов, чувствуя себя не совсем здо

ровым, воздерживается от пищи.) А председатель продолжает свой доклад, похожий на отчет:

— День в коммуне начинается очень рано. Чуть свет все уходят на работу. Оставшиеся дома готовят пищу и разносят на место работ. Вечером все собираются и ужинают за общим столом.

Планы коммуны на ближайшее время: организация шелководства (на территории коммуны имеется триста тутовых деревьев; среди членов — двадцать человек специалистов по шелководству); постройка маслобойного завода; организация по-настоящему птицеводства, пчеловодства и скотоводства. Так как женщины-узбечки не умеют обращаться с коровами, то думаем пригласить в качестве инструкторши опытную русскую женщину.

— Очередная задача дня: постройка школы, детского сада, клуба и общежития для приезжих, ликвидация неграмотности среди взрослых. (На сорок семей коммуны только четыре человека грамотных, все они входят в правление.)

— В первое время на общих собраниях было очень шумно: говорили все сразу. Теперь научились выслушивать товарищей и брать слово в порядке очереди.

Председатель говорит:

— Все.

И вытирает платком пот, обильно выступивший на лбу.

— Об одном вы позабыли упомянуть, — говорю я вспотевшему докладчику.

Он вопросительно смотрит на Ибрагимова.

— О раскрепощении женщин вы ничего не сказали. Я видел на дворе девиц, которые поторопились закрыться при моем приближении. У вас на очереди устройство клуба и общежития для приезжих. Открытие женщин — тоже не пустяковое дело.

Заговорили бородачи:

— У наших женщин нет хороших нарядов. Они говорят: «Справьте нам хорошие платья, купите шелковые платки, мы тогда сами откроемся. Нам стыдно показывать свою бедность».

— Это пустяки, — возражает Ибрагимов. — Давайте, как только закончатся полевые работы, устроим праздник раскрепощения женщины. Члены правления, как передовые грамотные люди, должны повлиять на остальную массу.

— Нам все равно, — говорят старики.

Потом мы отправляемся осматривать посевы. Тот, кто угощал меня яйцами, теперь старается обратить мое внимание на качество различных культур.

— Гляди, какая картошка.

Он выкапывает большую картофелину.

— Гляди, какой хлопок.

— Хороший хлопок, но я боюсь, что он не созреет: коробочки еще не раскрываются, а уже были утренники.

На кирпичном заводе работают нанятые люди. На гумне дружный шум. Молотят пшеницу.

В другой наш приезд в коммуну мы увидели застывшие струи крови на стенах строящейся печки для обжигания кирпичей.

Председатель, смутившись, объяснил:

— Мастер подрядчик — фанатик, он спросил у меня: «Хочешь, чтобы кирпичи были крепкие и звонкие». Я ему ответил: — хочу. Он сказал: «Давай козленка, нужно перерезать ему горло, нужно выпустить

кровь в основание печки: тогда она будет хорошо обжигать кирпичи. Постройшь дом, сто лет простоит. Долго живут кирпичи, пропитанные кровяным духом. Бухарские минареты тысячу лет простояли. Еще простоят пять тысяч лет, потому что в их основании жертвенная кровь пролита». Я сказал мастеру: «Партийному человеку не подобает признавать твоего фанатизма»... Тогда он купил козленка на свои деньги и выпустил в печку кровь. Я был против этого.

Мы подошли к мастеру. Спросили у него:

— Зачем ты зарезал козленка?

Мастер в свою очередь спросил у нас:

— Зачем русские печники обрызгивают кирпичи водкой? Здесь водки нет. Вот почему я зарезал козленка.

Мы улыбнулись и отошли от строящейся печки.

* * *

Алянга — в переводе пламя.

В колхозе «Алянга» мы никого не застали дома, если можно назвать домом единственное полуразрушенное хауле, служащее приютом для двенадцати членов, татар по национальности.

— Жилищ вы не увидите почти ни в одном колхозе, — сказал мне Ибрагимов. — Самаркандский с.-х. банк говорит, что в задержке кредитов виновата Москва.

Мы поехали к тому месту, где строились конюшни для колхоза. Слева от дороги мы увидели много развалившихся жилищ. Когда-то здесь был большой кишлак.

— Куда же подевалось все население?

— Одни вырезаны басмачами, другие сами покинули насиженные места.

От строителей конюшни — туркмен — мы узнали, что все члены артели «Алянга» в поле косят кунжут. Когда мы подъехали к кунжутному полю, жнецы оставили работу и подошли к нам с приветствиями.

Сначала в артели было пятнадцать членов (бывшие служащие и безработные батраки). Потом трое выбыло. Один (учитель) ушел потому, что не приспособлен к земледельческому труду, другому вреден здешний климат, у третьего жена не захотела жить в дикой заброшенной местности.

Председатель артели (бывший учитель) «оставил учительство с целью — быть поближе к природе».

— Исполняю заветы Руссо, — улыбнулся он, ловко воткнув серп в кунжутный сноп.

Внимание путешественника всегда привлекается дотоле невиданным, и поэтому вполне понятен мой интерес к кунжуту. Пять фунтов семян этого растения (на десятину) дают восемьдесят пудов урожая. Из такого количества семени получается сорок пудов масла.

— Успеет ли созреть кунжут в Самарской губернии?

— Попробуйте, — сказал учитель и дал мне спелых стручков.

Все члены артели хорошо говорят по-русски. Все они семейные. Но семьи пока находятся в Самарканде, потому что в колхозе нет жилья.

Учитель повел нас на свои посевы. Остальные принялись за работу.

Больше всего в «Алянга» кунжута. Есть маш (мелкий зеленый горошек), кунак (вид проса), джугара, хлопок, подсолнухи. Посевы радуют чистотой. В этом колхозе я не видел сорной травы. Урожай всех культур очень хороший.

В распоряжении артели полторы тысячи неиспользованных кредитов. Как видно, здесь каждую копейку расходуют с толком и любят и умеют работать.

Мы спустились в долину, прошли к речке, заросшей камышом.

— Здесь водятся волки, много кабанов и дикобразов. Камыши — будущая статья нашего дохода: сто небольших снопов камыша стоят сорок рублей. По берегу речки думаем разбить виноградники.

Мы присели на зеленую траву недалеко от громадного стога сена, заготовленного артелью. К нам подошел мальчик-пастух.

— Следи за коровами, чтоб наше сено не трогали, — сказал учитель.

Кругом громоздились выветрившиеся скалы, похожие на руины древних сооружений. Речка, извиваясь, терялась в горах. Я заметил несколько гротов, удобных убежищ от зимней непогоды. Вероятно, эти долины и пещеры были базой для басмачей, откуда они отправлялись грабить и вырезать мирных жителей.

День был очень жаркий. Взглянув на небо, я увидел громадных птиц, похожих на аэропланы. Они плавно кружились, взлетали кверху, опускались вниз, словно падали в воздушные ямы, и снова взмывали в чистую синеву неба. Это были орлы. Прозрачность воздуха позволяла видеть фестоны на крыльях птиц.

Пастушонок, подняв голову кверху, уронил на зеленую траву тюбетейку.

— Якши, — послал он похвалу под небо и побежал отгонять коров, направлявшихся к стогу.

Мы пошли обратно. Учитель рассказывал о своих хлопотах по постройке кузницы.

Когда мы вернулись к лошадям, большой участок был сжат. Жнецы сидели на зеленых снопах и курили.

— Каковы ваши впечатления? — спросил у меня Ибрагимов, когда мы поехали дальше.

— Не знаю, что будет впереди, а пока я доволен виденным. Артель «Альянга» заражает бодростью постороннего наблюдателя. Здесь очень дружно работают. Получается впечатление, что все живут душа в душу.

— Это потому, что председатель пользуется большим авторитетом. Как образованный и в то же время трудолюбивый человек, и потому еще, что почти все члены артели грамотны.

* * *

Артель имени Ширинова существует один месяц. Члены артели подготавливают землю к посеву. Председатель в большом огорчении: не пьет, не ест, страшно похудел.

Мы приехали кстати. К Ибрагимову обращаются с просьбой:

— Выручите нас из беды.

— Что случилось?

Вот повесть председателя:

— Мы переселились сюда из Ходжента, где страшное малоземелье. Мы приехали сюда не бездельничать, а работать. Но в самом начале нам не повезло. Может быть, потому, что мы были очень доверчивы. В нашу артель попросились три человека из Самарканда. Мы их приняли. Двое из них даже не показались нам на глаза. Третий — Султанов, бывший милиционер — приехал сюда для того, чтобы грабить нас и обманывать. Первая его проделка: у мясника в Джуме взял двадцать фунтов мяса и десять сала. Сказал: «Беру для артели, она расплатится». А сам увез мясо

в Самарканд, призвал гостей, устроил пир, похвывается: «Вот какие в коллективах порядки: даже на дом мяса по пуду дают».

— Так же, прикрываясь именем артели, купил для себя и своих друзей четыре шляпы.

— Один раз мы покупали с Султановым ситец на рубашки для членов артели, пятнадцать метров купили. Пока я платил деньги в кассу, Султанов успел отхватить от покупки четыре метра и засунуть в карман. Но самая большая подлость Султанова — присвоение двухсот рублей, полученных им для покупки инвентаря. С тех пор мы не видели жулика. Знаем только, что он снова поступил на должность милиционера. В свое оправдание Султанов сочинил донос: «Средства, получаемые от ширката (с.-х. товарищества), артель имени Ширинова проедает и пропивает, а сама валяет дурака. И вообще в артели собралась голая шантрапа. Не давайте им ни копейки. Все равно никогда с них не получите». Прохвосту поверили. Кредиты нам закрыли.

Ибрагимов написал от имени артели большое заявление в народный суд с просьбой привлечь к ответственности Султанова, как уголовного преступника.

В просторной камышовой палатке мешки с семенами для посева, упряжь, два ружья, новые чемоданы, одеяла, плуг. Все расставлено по своим местам. На полу полосатый ковер-палас. Стены шалаша шуршат от ветра. На озабоченных лицах членов артели желание — поскорее смыть с себя грязь клеветы.

В нескольких шагах от шириновцев артель «Кошчи». Оттуда за нами пришла делегация.

— Побывайте у нас, рассудите, кто прав, кто виноват.

Как только мы очутились в неуютном шалаше «Кошчи», один из членов, распахнув халат, бросил в нашу сторону розовые клочки ситцевой материи.

— Меня каждый день бьют. Рубашку изорвали. Что я теперь надену? У меня больше нет рубашек. Смотрите. Я голый.

Председателя в это время не было дома. Председатель, как и все остальные члены артели, неграмотный. Из-за этого он не пользуется уважением. Его приказаний не слушают. Его сторонников бьют.

— Уртак (товарищ) Ибрагимов! Назначьте нам нового председателя. Кого угодно — русского или татарина. Только обязательно постороннего и обязательно грамотного.

Члены артели «Кошчи» — потомки тех арабов, которые строили мечети на Регистане в Самарканде. При организации колхоза они не хотели принимать в члены людей не арабского происхождения. Они гордились чистотой своей крови. Но ежедневные ссоры и драки утихомирили гордость, и теперь они согласны подчиниться любому авторитету. Несколько членов заявили о выходе из артели.

— Но мы не уйдем, пока не получим своей доли. Мы проработали семь месяцев.

— До сбора всех урожаев и выяснения доходов артели вы ничего не сможете получить, — разъяснил Ибрагимов, — придется вам подождать.

— Мы не можем ждать, потому что председатель толкает нас в шею и ругает по-русски.

Для нас приготовили кок-чай. На грязную тряпку нащипали мелких кусочков подгорелой лепешки.

Приехал председатель. Он возил в Джуму сдавать горох. Члены артели притихли. Высокий статный председатель с красивым, очень

смуглым лицом оглядел всех с таким выражением, как будто хотел сказать:

— У, собаки, успели наябедничать!

Усевшись против Ибрагимова, он вынул из-за пояса платок желтые квитанции.

— Посмотрите, сколько тут записано пудов.

— Сто двадцать.

— Мало прибыли от гороху: нам ширкат отпускал семена по пяти рублей пуд, а от нас принимает по два восемьдесят.

Недовольные снова заявили, что они работать не будут.

— Вон отсюда, — зарычал на них председатель.

Один, хворавший два месяца малярией, сказал:

— Я имею право на получение своей доли, я не по своей вине не работал.

— Ничего ты не получишь! — зашумело несколько голосов.

— Что нам делать? — обратился председатель к Ибрагимову: — все разбегаются, работать не хотят...

И махнул рукой.

Ибрагимов предложил объединиться с артелью имени Широнова. Многие с радостью ухватились за эту мысль. Разговор о слиянии двух артелей продолжался в уютной палатке шириновцев: нас позвали кушать кавардак.

Вечерело. Приятно было сидеть на ковре, облокотившись левой рукой на продолговатые подушки. Душистый пар в казане усиливал аппетит. Наши лошади паслись за шалашом, возле молодого леса.

Я думал о том, как мало грамотных среди узбеков. Когда узбека просишь назвать самых грамотных людей Узбекистана, он, не задумываясь, говорит:

— Файзулла Ходжаев и Хидыралиев!

На всю страну два человека.

Один раз к Ибрагимову пришли делегаты от дехкан с заявлением, что все сорок домохозяев одного кишлака хотят организовать колхоз.

— Очень хорошо, — сказал Ибрагимов.

— Но... (делегаты замаялись) в нашем кишлаке нет ни одного грамотного человека.

Грамотного в Узбекистане уважают больше, чем богатого.

В артели «Дехкан» я был удивлен дружбой и энергией членов. Я видел их за работой по постройке жилищ. За чаем, когда собрались все вместе, я спросил:

— Кто у вас председатель?

Мне указали на молодого человека. На вид ему можно было дать лет восемнадцать.

Так его расхваливали старики:

— Председатель у нас золотой человек. Много работает для нас, все разъясняет. Председатель наш копейки зря не истратит. В город поедет, пить захочет, в чайхану зайдет, гривенник за чай отдаст — в тетрадку запишет. Домой приедет, собрание устроит, доклад сделает: «Я пить в городе захотел, десять копеек истратил».

Польщенный похвалами молодой человек улыбался. Я понял, что грамотный юноша (вот именно потому, что грамотный) — основа благополучия колхоза.

Но я забегаю вперед.

На подносе в шалаше артели им. Широнова перед нами поставили кавардак (тушеное мясо с картофелем). Хозяева предложили гостю,

председателю артели «Кошчи», покушать. Он отказался. Видно было, что его тяготит неграмотность. Он вынул из-за пояса еще несколько бумажек, показал Ибрагимову. Под узбекским текстом я увидел темные пятна. В этом краю вместо подписи неграмотные прикладывают палец. В местной газете приводился факт, что один кишлачный учитель, не умея расписываться, прикладывает к бумаге палец, обмокнутый в чернила! (Это все на тему о почти поголовной безграмотности в Узбекистане.)

Скандалисты опять пришли со своей докукой.

— Не желаем мы подчиняться нашему председателю. Он сам ничего не знает.

Разъяренный араб, не стесняясь нашим присутствием, вскочил, как ужаленный, и, сжав кулаки, зарычал:

— Долго вы будете буянить? Сейчас же уходите! Лодыри!

Потом тяжелый кулак прикоснулся сдержанно к шее каждого ослушника.

Я боялся, что они подерутся. Ибрагимов пошутил:

— Я показываю вам товар лицом. Но так, конечно, не может продолжаться. Артель «Кошчи» нужно обязательно соединить с артелью имени Широнова, где четыре грамотных человека.

Через несколько дней после этого, когда мы были в Искандере, туда пришли обрадованные скандалисты с такой вестью:

— Соединяемся... Теперь и над нами будет грамотный человек.

* * *

В «Интернационале» девять семей: пять русских, одна украинская, одна татарская, две мадьярских. Каждая семья живет в благоустроенном шалаше. В каждом шалаше — кровать, стол, скамейки. В общем пользовании — русская печка.

Мне приятно было увидеть, как жарятся на сковороде в постном масле лепешки из квашеного теста. (Знакомая с детства картина.) Потом нас угощали этими лепешками. Мы сидели за столом. Мы пили черный чай с сахаром.

— Кушайте, кушайте, — угощала хозяйка, — наверное, надоела узбекская преснятина. К зеленому чаю привыкли?

— Нет, не привык.

— Ну, вот и кушайте... российский... с сахаром.

В шалаше собрались все члены артели. Пензяки засыпали меня вопросами:

— Давно из России? Как там дела с хлебом? Какая там погода? Какое настроение у мужиков? Крестьяне не бросают землю?

И тут же сами себе отвечали:

— Перестанут крестьяне сеять хлеб.

— А от артелей немного толку.

Мадьяр изрек:

— Через три года ни одной артели не будет.

Это он от русских крестьян заразился, особенность которых: мрачно смотреть на будущее.

Узбеки настроены оптимистичнее. Узбеки верят, что колхозы перестроят жизнь к лучшему.

В артели «Интернационал», работая, не верят в то же время, чтобы эта работа дала хорошие результаты.

Что понижает настроение членов?

Жилища (настоящие, теплые, а не шалаши) будут готовы еще не скоро, а от ночных холодов уже нет спасенья.

— Лихорадка начинает крутить прямо до высшей степени.

— Все-таки детишки у нас.

— Весной лили дожди, никакого терпения не было. И теперь до морозов дотянули.

— Когда пришли сюда, было ужасно: камыши, дичь сплошная.

— Пролили поту над расчисткой зарослей...

— А осень гляди какая: никак уж четыре мороза стукнуло. Кунжут убило. Повредило хлопок.

Ибрагимов составил акт о гибели от морозов двадцати пяти процентов хлопка.

— Как начнут с нас тянуть года через два, где мы возьмем?

В планах артели: организация молочной фермы, пасеки, разведение виноградного питомника и фруктового сада.

— Теперь самая главная наша забота под непромокаемое прикрытие взойти.

Квартиры — по одной комнате на семью — строятся из глины.

Через два дня, когда мы были на хлебо-заготовительном пункте в Джуме, из «Интернационала» пришли с жалобой:

— Работа по постройке квартир тормозится. Член артели, по специальности плотник, отказался делать двери и рамы. Сначала заявил: «Заплатите мне за инструменты». Мы согласились. А немного погодя выставлял новое требование: «Оплатите мою специальность, иначе бросаю работать». Мы ему стали возражать: «Ведь мы все специалисты: один хорошо сеет хлеб, другой делает кирпичи, третий — садовод. Если каждый будет заявлять: «оплачивайте мою специальность», что же тогда получится?» А он одно твердит: «Сеять хлеб, сажать яблони, делать кирпичи — один пустяк. А дверь не всякий может сделать. Раз я сказал, то не отступлю: платите, или бросаю работать».

— Бросил? — спросил Ибрагимов.

— Бросил, куда-то на поденную работу ушел.

— Исключить из артели.

* * *

Тихая ночь. Мы на веранде большого дома. Вокруг нас молодые красивые ферганцы. Нашу беседу подслушивает луна.

Узбеки любят оружие. Почти каждый член артели имени Ходжибаева держит в руках ружье. Пояса-патронташи набиты патронами. Они собрались на кабанов, истребляющих джугару. За несколько дней перед этим они поймали шесть штук кабанят и сдали их в русскую харчевню.

Зажигается фонарь. Тусклый керосиновый свет теряется в лунном блеске.

Ферганцы не захотели жить под открытым небом.

— Не для того мы оставили свое жилье на родине, чтоб корчиться в колхозе под весенними и осенними дождями. Лучше мы поедем обратно. Летом будем делать кирпичи, зимой работать на маслозаводе.

Чтоб удерживать восемнадцать семей, для них сняли на время вместительный дом богатого человека. Среди них есть грамотные. Они выписывают газету и журнал. Устраивают громкие читки. На зиму просят прислать учителя.

— Пойдемте с нами на охоту.

Мне хочется, а Ибрагимов говорит:

— Лучше в другой раз.

Выпив по две пиалы чаю, мы уезжаем.

Умный «Колхозник» бежит впереди. В кишлаке на нас нападает свора собак. Одна кусает в ногу «Француза». Сделав на месте несколько кругов, «Француз» мчится, как бешеный. «Колхозник» сначала скачет позади, потом оставляет далеко за собой укушенного жеребца. Белая пыль, пронизанная лунным светом, вьется над моей головой, проникает за ворот мокрой рубашки. Мне хочется, чтобы лошадь скакала еще быстрее, у меня нет желания остановиться. Луна прыгает с ветки акации на ветку айлантуса. Хрипят под копытами ветхие мосты. Серые дувалы возникают привидениями и начинают кружиться вместе с деревьями, с квадратами хлопка, джугары и кунжута. Звезды опускаются ниже. Мое сердце стучит в такт копытам. Сколько верст мы пролетели в несколько минут? «Колхозник» делает крутой поворот. Мы на территории «Искандера».

* * *

Есть люди, обладающие одновременно четырьмя способностями: хитростью лисы, алчностью волка, трусостью шакала и гипнотическими чарами змеи. Плохо, когда такие натуры занимают ответственные посты. Плохо для окружающих, особенно, если окружающие по складу своего характера напоминают мягкосердечных зайцев.

В Чархинской артели бывший председатель был занят исключительно утлением своих аппетитов. Он хозяйничал. Остальные батрачили. Но это было организовано так, что все члены артели чуть не молились на своего руководителя. Никому и в голову не приходило потребовать от председателя отчетности. А тем временем в Самарканде председатель строил дома, ну, конечно, на имя своей жены (обычный прием). А тем временем долги колхоза возросли, и учреждения, ведающие кредитами, недоумевали, как такое великолепное хозяйство, как Чархинская артель, не может выпутаться из финансовых затруднений.

Внешнему благоустройству колхоза позавидует всякий: много прекрасных жилых помещений, великолепный двор, конюшни, птичники, кладовые. Источники дохода: полеводство, садоводство, огородничество, виноградарство, птицеводство.

А на мой вопрос: «Какова доходность колхоза?» счетовод сообщает: «Должны двадцать три тысячи... Истекли все сроки выплаты».

Летом приехала в колхоз ревизионная комиссия и потребовала исключения председателя из артели. Слезами ответили колхозники на требования комиссии. Слезы не смутили приехавших, и они настояли на удалении хищника из теплого гнезда. На другой день жизнь в колхозе замерла. Многие заявили:

— Выгнали нашего председателя. Ну, и пусть теперь работает кто хочет, а мы не желаем.

Когда спрашивали у членов артели:

— Что вы получили за два года беспрестанного труда?

Они отвечали:

— Желудки сыты, голь прикрыта, и слава богу. Больше нам ничего не нужно.

Председатель сумел воспитать в членах дух беспрекословного рабства.

Какая атмосфера в колхозе теперь? Попрежнему нездоровая. Как это ни странно, исключенный снова принят. Официально он не занимает председательского поста, но к его голосу прислушиваются больше всего. Он приходит в общую столовую завтракать и обедать. Помахивая тросточкой, солидным шопотком, не допускающим возражений, он отдает приказания.

Но все же он трус и боится достойной «награды» за свою работу. Желая реабилитироваться, он пригласил в колхоз рабкора «Правды Востока».

— Может появится в газете статья: «Несправедливо оклеветанный»? — спросил я у Ибрагимова.

— Не думаю. «Правда Востока» осмотрительная и умная газета. Прохвостов обеляют в западно-европейской прессе. В Советской Республике для них всюду одинаковый прием: общественная метла.

Наркомзем Узбекистана постановил Чархинский колхоз преобразовать в совхоз.

— Тогда нас прогонят отсюда? — спросила за обедом славная печальная старушка.

— Останешься, бабушка. Теперь артельных индюшек пасешь, а тогда будешь совхозских пасти, — утешил обеспокоенную своей судьбой Ибрагимов.

На обед были мясные щи и арбузы.

После обеда старушка рассказала о своем горе. Она с сыном жила в еврейской артели. Весной нынешнего года на артель напали басмачи, убили сына, захватили все имущество.

— Остальных не тронули. На меня на одну горе свалилось. Сын был, ничего не делала. Сын мою старость покоил. А теперь работать пришлось. За сиротство не погонят меня по белу свету скитаться?

На другой день, когда мы уезжали из артели, шестидесятипятилетняя старуха стояла неподалеку от дороги с хворостиной, а справа и слева от нее, вытягивая шеи, как будто к чему-то прислушиваясь, сиротливо текли индюшки.

— Горе вы мое, — говорила им старуха, — всю саранчу поклевали, чем теперь вас кормить? Виноград уберут, на виноградники погоню. А теперь не жалобьтесь!

— До свиданья, бабушка!

— Бывайте здоровы, милые!

* * *

Этот абзац от начала до конца невеселый.

Мне очень хотелось побывать в еврейском колхозе.

Мы поехали в артель «Комзет» втроем. Для сокращения пути мы свернули с дороги на целину. Вскоре под копытами лошадей захлюпала мочежина. Мой Колхозник изъявлял желание повернуть назад, как будто предчувствуя беду. Я с намерением отставал от Ибрагимова и нашего спутника, группового артельного счетовода.

Случилось то, чего я боялся: лошадь счетовода застряла в невылазной трясине. К счастью поблизостиросло тощее деревцо. Намокший наездник, вскарабкавшись на гнувшийся ствол, стал понукать своего коня. Вытаскивая из грязи передние ноги, конь погружался в густой ил задними. Мы с Ибрагимовым не имели возможности выручить из беды жеребца. Через несколько минут он все-таки выбрался из ямы. Счетовод прыгнул с дерева на грязный круп измученной дрожащей лошади.

Ибрагимов спросил:

— Поедем здесь?

Я категорически заявил:

— Ни в коем случае!

И повернул назад, на дорогу.

Почти рядом с артельным гумном нам снова предстояло завязнуть в болоте: вода затопила все дороги и пешеходные тропы.

Ибрагимов рассказал:

— Колхозу «Комзет» дали сто десятин самой лучшей земли. На территории колхоза есть несколько родников. Несложная работа — направить течение родников по определенному руслу. Два года назад здесь было сухо. Теперь вы видите, какие могут быть результаты от людской нерадивости, беспечности, неумения, нежелания работать. Земля затоплена. Люди окружились трясиными, заранее обрекая себя на голодную смерть.

Мы подъехали к гумну, где работали три человека. Все они были тощи, как скелеты. Одежда на всех была до умопомрачения изорвана и грязна. На току стояла веялка, сажень в пятнадцать от нее ворох обмолоченной пшеницы. Из этого вороха самый старый (с беспомощными, бегающими глазами) насыпал в худую корзинку, подносил к веялке, опрокидывал содержимое на соломотряс, заставлял молодого вертеть ручку веялки, потом наступала пауза, старик снова брел к вороху и т. д.

Подъехавший счетовод расхохотался. Мне было грустно. Мне было жалко людей, которые не имеют никакого представления о процессе сельскохозяйственных работ. Они мне казались персонажами сказки. В сказках дети попадают к бабе-яге. Она заставляет их исполнить сложную, непосильную для человека работу: «Не сделаете, изжарю вас в печке и съем». Всегда в таких случаях выручает мышка или какая-нибудь другая зверушка. Здесь положение более трагическое. Людей посадили на землю и сказали: «Работайте». А люди не знают, с какого конца брать в руки грабли, лопату. На помощь из норки не выбегает добрая мышка.

Мы перетасили веялку к вороху, чего не догадывались сделать «землеробы». На гумно пришли другие члены артели. Ибрагимов пригрозил:

— Я составлю на вас протокол за то, что вы почти весь свой участок превратили в трясину.

— Нам некогда рыть каналы, другой работы много.

— Если так будете работать, с голоду умрете.

— А мы не голодаем? Мы давно голодаем. Скажите, чтоб нам дали денег. Виноваты мы, что не умеем работать? Совсем не виноваты. Животы подвело. Еле ноги таскаем.

— Должны около двадцати тысяч, — вставил счетовод.

В артели девяносто семь душ. Членов на это количество едоков — двенадцать.

Всего из ста десятин участка засеяно только тридцать. Посевы — одна грусть. Джугара мелкая, чухлая. Просо и хлопок заросли камышом. Своей продукции, может быть, хватит на один месяц. Чем будут питаться девяносто семь душ в течение одиннадцати месяцев?

Неудивительно, что второй год не закончены стройкой квартиры (кредиты на строительство проедаются), вполне понятно, почему члены артели ударяются в торговлю. Скупая по дешевке на кишлачных базарах цыплят и кур, везут их в Самарканд.

— Куры нашего завода.

Хотя на артельном дворе я не видел ни одной курицы. В углу двора свалены в кучу плуги, бороны, культиваторы.

Счетовод несколько раз писал в Сельхозбанк о том, что кредиты для артели «Комзет» — выпущенные на ветер деньги. Сельхозбанк и Колхозсоюз не один раз постановляли: прекратить выдачу кредитов безнадежно убыточному предприятию.

Но председатель артели настойчив. С утра до вечера обивая пороги правительственных учреждений, он находит средства. Долги артели растут. Бездонную бочку не наполнишь.

Когда мы собрались уезжать, изможденная женщина подбежала к Ибрагимову и с мольбой ухватила за стремя.

— Я привела с собой двух коров. Теперь мы все проели. У нас большая семья. Муж — членом артели, а меня не принимают. Похлопочите ради бога.

Нас провожали общим стоном:

— Плохо живем. Ой, как плохо! Пришлите денег.

Мы поехали по другой дороге.

Я посоветовал Ибрагимову прислать в артель хорошего инструктора.

— Нужно научить членов трудовым навыкам и умению обращаться с европейским инвентарем, который в настоящее время валяется неиспользованным, словно куча мусора.

* * *

«1928 года, апреля 4 дня, я, нижеподписавшийся, т. Ахун-Бабаев, проживающий в городе Самарканде, даю настоящую подписку в том, что, вступая членом артели «Узбекистан» в кишлаке Туркмен-Даухаш, вполне усвоил все пункты принятого устава и несу полную ответственность по делам артели. Одновременно сообщаю, что не состою и не буду состоять в другой артели и не лишен избирательных прав в советы. Ахун-Бабаев».

Портреты Ахун-Бабаева я видел в каждой чайхане Ходжента, Жоканда, Маргелана и Бухары.

Ахун-Бабаев, как председатель Цика Узбекистана, пользуется таким же авторитетом, как у нас Калинин.

Потев на приемах иностранных гостей и страшно уставая на посту главы правительства, прекрасно чувствует себя в своей артели, куда он аккуратно приезжает раз в неделю. Бывший батрак, он лучше орудует кетменем, чем карандашом фирмы Гаммер.

— Вот хлопок, посеянный Ахун-Бабаевым, — говорит председатель артели.

Хлопок в артели «Узбекистан» в рост человека.

— В беседке — плита, сложенная Ахун-Бабаевым.

(Я видел эту плиту: прекрасная.)

— В прошлом году, если б в этой местности заблудилась лошадь, в неделю ее нельзя было бы отыскать. Расчищая участок, мы собрали три тысячи снопов колючки, выкорчевали несколько сот возов пней.

В колхозе есть школа. Учительница, улыбаясь, рассказывала:

— Упрашивая меня поехать на службу в артель, Ахун-Бабаев говорил: «Поезжайте, поезжайте, там у вас будет хорошая комната: с полом и потолком».

Мы сидели в этой комнате, а в соседней щелкал перепел — любимая птица узбеков. Председатель принес арбуз невиданных размеров:

— С своего огорода. Таких крупных собрали триста штук.

Председатель водил меня в оранжерею. Дал мне семян кендыря, кофе и английской ворсянки.

— Посей ворсянку, богатым будешь.

Колючие крупные шишки ворсянки требуются для суконных фабрик. Ворсянка прежде культивировалась главным образом в английских колониях. В Узбекистане она растет в диком состоянии. Но шишки такой ворсянки мелки и для эксплуатации неудобны.

— Кендыря в этом году мы попробовали посеять немного. Растет очень хорошо.

Я видел стебли этого замечательного растения. (Они в два раза выше человеческого роста.) Кендырь — единственное из растений, волокно которого может быть превращено в хлопкообразную массу для изготовления чесучи и коверкота. Кендырное волокно не гниет в воде.

Представители ВСНХ говорят:

— Нужно каждый стебель кендыря взять на учет.

Я думал:

«Если членом колхоза — глава правительства, значит колхоз получает беспрепятственно кредиты в неограниченном количестве. Имея в своем распоряжении большие средства, члены артели ведут образцовое хозяйство».

Мои предположения оказались преждевременными: артель должна всего четыре тысячи.

— Задолженность будет погашена в срок, — с гордостью сказал председатель, грамотный, пожилой узбек невысокого роста.

Уезжая из колхоза, об одном я продолжал беспокоиться: мне казалось, что хлопок не успеет созреть. По всем приметам осень предвиделась ранняя.

* * *

Я слышал много рассказов о неудачных опытах организаций женских артелей. Поэтому понятен мой трепет в тот момент, когда я подъезжал к женской артели Паст-Даргомского района. Ибрагимов предупредил меня:

— Имейте в виду, что женщины первого набора разбежались. Все они были из ближайших кишлаков. Все они артельный провиант (яйца, овощи, хлеб) растаскивали по своим родным. Когда им сказали: «Этого нельзя делать: в артель поступают работать, а не жить на готовое», они ответили: «Мы не умеем работать», и, захватив свои пожитки, возвратились восвояси. После этого были набраны другие женщины. В помощь и для руководства в артели живут двое мужчин.

По дороге нас остановил землемер.

— Скажите, чтоб председательница женской артели (она же делегатка) приехала в здешний кишлак по неотложному делу. Тут один татарин женился на русской и теперь заставляет ее надеть паранджу. Бьет ее. Говорит: «Закрывайся, а то зарежу. Все закрыты, ты одна открыта. На тебя все глядят». Ревнивец, наверно.

Когда мы приехали, нам сказали:

— Председательница ушла из артели. Мы выбрали председателем мужчину: лучше будет. Женщин у нас теперь только трое.

У артели хороший сад. В этом году был сильный урожай. Но период опрыскивания деревьев совпал с бегством членов первого набора. Ухаживать за садом было некому, и всю завязь уничтожили черви.

Доходность артели в будущем — от птицеводства и молочного хозяйства. В настоящее время уже имеется сто породистых кур и шестьдесят индюшек, для которых построен прекрасный птичник. Постройки возникли в последние два месяца, благодаря стараниям временно прикомандированного к артели представителя Наркомзема. Он молодой, энергичный, по национальности украинец.

Артели отпущен кредит для покупки двадцати коров. За ними уже уехали. Сейчас спешно достраивается коровник. Инструкторша по молочному хозяйству ждет с нетерпением, когда придут коровы.

— Тогда никто не убежит из артели. До сего времени некоторые уходили потому, что, не получая доходов в артели и не имея права тра-

тить на питание деньги, получаемые на строительство, вынуждены были голодать.

На прощание я сказал украинцу:

— Если вы проживете здесь еще месяца три, за будущее артели можно не беспокоиться.

* * *

И вот мы снова возвращаемся в «Искандер». Солнце клонится к закату, но еще не прикоснулось к горизонту. Я еду впереди. Колхозник осторожно спускается под гору. В ложине речка, заросшая травой. Лишь вдоль мостика чистая полоска воды. Длинная тень от меня и лошади падает на воду. Справа виднеются сизые горы Гиссарского хребта.

Мы едем шагом. Вот уже незаметно наших теней: солнце заходит. Мы во дворе совхоза. В конце прямой дороги между высокими яблонями рдеет шафрановый закат. В саду трещат кузнечики — неумолчимые музыканты дня и ночи. (Когда немного отвлечешься от их концерта, неумолчный треск кажется металлическим свистом фабричных колес.) Над зеленым хаузом мелькают бесшумно летучие мыши. Трудно уловить в полете форму этих странных животных: очень быстры и неожиданны их повороты в воздухе. Не шуршат тростники над арыками. За садом, в казарме совхоза, гармошка «Коробейниками» напоминает о русской деревне.

Ибрагимов говорит:

— Я вам показал куски жизни. Вы видели и слышали, может быть, много печального. Но не забудьте: это эксперименты, это желание жить по-новому, это нащупывание тропинок к тому, что называется прекрасным, счастливым будущим.

— Спасибо вам, Юсуф Ихсанович!

Я знаю: мы будем друзьями.

Начало октября 1928 г.
Искандер.
